
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

УДК 82-1/-9

DOI: 10.31249/lit/2025.02.12

КОРОБКИНА М.Е.¹ ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА СТИВЕНА КИНГА «КЛАТБИЩЕ ДОМАШНИХ ЖЫВОТНЫХ»[©]

Аннотация. В исследовании предпринимается попытка жанрового определения романа Стивена Кинга «Клатбище домашних животных» как экзистенциальной притчи. Несмотря на то что Кинг является признанным «королем ужасов», он не ограничивается возможностями жанра хоррора, наделяя роман универсальным, общечеловеческим смыслом. В основе «Клатбища...» лежит авторская интерпретация мифа об Иове – человеке, который подвергся божественному испытанию на верность лишениями и страданиями. Симптоматично, что Книга Иова при этом считается образцом притчи с ярко выраженной экзистенциальной проблематикой. Главный герой романа Кинга, Луис Крид, подобно Иову, сталкивается с потерями и искушениями на пути к смирению перед замыслом высших сил, что дает основания для упомянутого жанрового определения текста. В отличие от ветхозаветного персонажа, американский врач оказывается неспособен пережить гибель родных и, вдохновленный мифами о спасении от смерти, стремится ее победить, преодолеть, не выдерживая ниспосланных ему испытаний.

Ключевые слова: жанр; литература ужасов; экзистенциальная притча; Кинг; Иов; пограничная ситуация.

Для цитирования: Коробкина М.Е. Жанровая специфика романа Стивена Кинга «Клатбище домашних животных» // Социальные и гума-

¹ **Коробкина Мария Евгеньевна** – магистрант, Южный федеральный университет. Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации. Кафедра отечественной и зарубежной литературы; ORCID: 0009-0002-3322-0571; korobkina@sfnu.ru

© Коробкина М.Е., 2025

нитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – № 2. – С. 216–225. – DOI: 10.31249/lit/2025.02.12

Поступила: 10.12.2024

Принята к печати: 10.02.2025

KOROBKINA M.Ye.¹ Genre specifics of Stephen King’s novel *Pet Sematary*

Abstract. The study attempts to define Stephen King’s novel *Pet Sematary* as a dark existential parable. Even though King is a recognized “king of horror”, he does not limit himself to the possibilities of the horror genre, endowing the novel with a universal, all-human meaning. At the heart of *Pet Sematary* is the author’s interpretation of the myth of Job – a man who was subjected to the divine test of loyalty by hardship and suffering. The Book of Job is taken as a model of an existential parable. The protagonist of King’s novel, Louis Creed, like Job, faces loss and temptation on the path of resignation to the plan of higher powers, which gives grounds for the mentioned genre definition of the text. Unlike the Old Testament character, the American doctor finds himself unable to survive the death of his relatives and, inspired by myths of salvation from death, strives to defeat it, to overcome it, notwithstanding the trials sent down to him.

Keywords: genre; horror literature; existential parable; King; Job; limit situation.

To cite this article: Korobkina, Maria Ye. “Genre specifics of Stephen King’s novel *Pet Sematary*”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2025, pp. 216–225. DOI: 10.31249/lit/2025.02.12 (In Russian)

Received: 10.12.2024

Accepted: 10.02.2025

Актуальным направлением современных литературоведческих исследований является изучение жанровой специфики текстов массовой литературы [Асанова, 2020; Шалимова, 2022]. Во многих работах высказывается тезис о том, что у истоков массовых сюжетов – «высокие» литературные традиции [Жаринов,

¹ **Korobkina Maria Yevgenievna** – master’s student, Southern Federal University. Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication. Department of Russian and Foreign Literature; ORCID: 0009-0002-3322-0571; korobkina@sfedu.ru

© Korobkina M.Ye., 2025

2018; Липинская, 2021]. Эта мысль восходит к Ю.М. Лотману, который писал о способности массовых сюжетов «сохранять формы» и жанры прошлого [Лотман, 1993, с. 381]. Неудивительно, что сейчас массовая литература анализируется в плане ее жанрово-тематических разновидностей, основанных на том или ином каноническом тексте или жанре. Так, роман ужасов (или хоррор-роман) нередко возводится к классическому готическому роману. Ссылаясь на западных ученых П.М. Саммона, Л. Персона и Р. Хаджи, исследователь массовой беллетристики Е.В. Жаринов [Жаринов, 2018, с. 43] утверждает, что литература ужасов начинается с романов «Замок Отранто» Г. Уолпола и «Монах» М. Льюиса, написанных во второй половине XVIII в.

Материалом нашего исследования стал хоррор-роман «Клатбище домашних животных» Стивена Кинга, признанного «короля ужасов». Автор считает его «самым страшным из всех <...> написанных» [Кинг, 2017, с. 9] – во многом благодаря тому, что он основан на личном опыте осмысления смерти и страха за жизнь близких людей. Это произведение в отечественном литературоведении, на наш взгляд, недостаточно изучено: некоторые работы исследуют лингвистические аспекты текста [Дзюбенко, Киселева, 2020], мифологические отсылки [Новикова, Яценко, 2018; Селиванова, 2020], однако жанровую поэтику и сложную мифопоэтическую структуру отечественные литературоведы до настоящего времени не рассматривали, анализируя «Клатбище...» исключительно как хоррор-роман.

Однако, несмотря на исследовательскую традицию строго ограничивать жанровый потенциал массовой литературы, недостаточно трактовать это произведение только как пример литературы ужасов, несущий многослойные культурные реминисценции из классических готических романов (в частности «Франкенштейна» М. Шелли). На примере «Клатбища...» мы продемонстрируем, что «король ужасов» Стивен Кинг не довольствуется возможностями одного жанра – он наполняет роман универсальным, общечеловеческим, экзистенциальным смыслом, свойственным романам-притчам.

Стоит отметить, что в целом на присутствие в литературе ужасов экзистенциальной проблематики исследователи уже не раз обращали внимание. Важную роль в установлении статуса жанра и его отделении от «низового» пласта литературы сыграло эссе Г. Лавкрафта «Сверхъестественный ужас в литературе» (*Supernatural Horror in Literature*, 1927). На размышления писателя ссылает-

ся А.А. Липинская, говоря о «выходе [хоррора] на экзистенциальную проблематику» [Липинская, 2021, с. 302]. Исследовательница отмечает, что хоррор-литература исследует «ужас» как фундаментальную философскую, эстетическую категорию, осмысляет жуткое в самом широком контексте, это и позволило реабилитировать жанр в XX в. Можно добавить, что исследуемый в литературе ужасов страх соотносится с экзистенциальным «ангстом» (angst) – космическим «ужасом» от осознания иррациональности жизни.

Для нашего исследования также важно, что экзистенциальная проблематика и поэтика ужасов часто связаны с притчевой жанровой доминантой. Симптоматично, что в качестве притч в XX–XXI вв. исследуются и крупные художественные формы: романы Ф. Кафки, Г. Гессе, Ю. Мисимы, У. Голдинга [Лескова, 2015] – так каноничная трактовка этого жанра (короткий рассказ с поучительным смыслом) претерпевает эволюцию, сохраняя в качестве его образного ядра аллегоричность. В энциклопедии под редакцией А.Н. Николюкина образцом романа-притчи названа «Чума» А. Камю [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 406], поскольку в этом произведении аллегорически изображается угроза для всего человечества, от которой невозможно спастись, а открытый финал произведения дает понять, что проблема «чумы» никогда не исчезнет – настолько хрупко человеческое существование.

С символическими и аллегорическими смыслами связывает жанр хоррора и сам Стивен Кинг: «Роман ужаса потому вызывает у нас интерес, что с помощью символов он помогает нам высказать то, в чем мы боимся признаться самим себе...» [цит. по: Жаринов, 2018, с. 83]. Так, аллегоричность и символичность «любого повествования в жанре horror» [Жаринов, 2018, с. 83] определяет его своеобразную «притчевость».

Таким образом, произведения в жанре хоррора близки и экзистенциальной проблематике, и жанру притчи. Такая исследовательская перспектива позволяет нам предположить, что «Клатбище домашних животных» можно прочесть не только как один из текстов литературы ужасов, но и как мрачную экзистенциальную притчу. Основу этой притчи мы видим в уникальной авторской интерпретации мифа об Иове – человеке, подвергнутом божественному испытанию на стойкость через потери и безутешные страдания. Отметим, что С. Кьеркегор, один из первых теоретиков экзистенциализма, считал, что эта ветхозаветная история насквозь пропитана экзистенциальной проблематикой [Кьеркегор, 2011].

Сам же Иов называет свою историю притчей: «Он поставил меня притчею для народа и посмешищем для него» (Иов 17:6). Итак, преломление в тексте «Клатбища...» содержания Книги Иова позволяет нам рассмотреть этот роман сквозь призму экзистенциальной проблематики и соответствующей ей поэтики, а универсальность тех противоречий, с которым сталкивается главный герой, в свою очередь, говорит об аллегоричности, «притчевости» текста.

Как и в истории Иова, в центре сюжета «Клатбища...» находится герой, проходящий через множество жизненных испытаний. Луис Крид, преуспевающий врач, вместе с семьей переезжает в небольшой городок Ладлоу, где его ожидает череда несчастий: от смерти пациента до гибели близких людей. И лишения Луиса, и потери Иова не мотивированы ничем, кроме своего рода проверки их стойкости.

Симптоматическим сходством обладает структура этих испытаний для обоих героев: сначала у них умирает скот (домашние животные). Вестник злосчастья говорит Иову: «...огонь Божий упал с неба и опалил овец; Халдеи... бросились на верблюдов и взяли их» (Иов 1:16–17). У Кинга же кот дочери Луиса Крида гибнет на трассе перед домом: «Черч переходил дорогу – Бог знает, зачем, – и машина или грузовик ударила его, сломала шею и отбросила на лужайку Джуда Крэндалла» [Кинг, 2017, с. 88].

Затем масштаб испытаний героев резко меняется, трагедия становится глубже, страдание – невыносимее. Иову сообщают о гибели детей: «...дом упал на отроков, и они умерли, и спасся только я один, чтобы возвестить тебе» (Иов 1:19). На той же дороге, что и кот Черч, трагически погибает сын Луиса: «инерция бега вынесла Гейджа прямо на дорогу, где на него налетел грузовик, ревуший и сверкающий желтыми бортами» [Кинг, 2017, с. 252].

Праведность Иова и Луиса, их бескорыстное желание быть опорой страждущим не только сближают героев, но и делают произошедшее с ними несправедливым с точки зрения неверующего или усомнившегося. Иов вспоминает, что «был глазами слепому и ногами хромоту» (Иов 29:15), «спасал страдальца вопиющего и сироту беспомощного» (Иов 29:12) – помогал всем нуждающимся, порой жертвуя собой. Луис – представитель благородной «помогающей» профессии, врач, спасающий людей от болезней и несчастных случаев не только на работе, но и дома – в кругу семьи и соседей: «Хочу поблагодарить вас за все... вы спасли мне жизнь», – говорит старушка Норма, которую Крид уберег от смерти в канун дня Всех Святых [Кинг, 2017, с. 156].

Иов при этом остается идеалом покорности и безропотности, в ответ на все лишения он произносит: «...наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял» (Иов 1:20). Софистическими речами Иова пытаются искушить Елифаз, Вилдад, Софар и Елиуй, но Иов, не желая тратить время на споры с «друзьями», вопрошает Господа в попытках узреть справедливость божественного решения и ни разу не опускается до богохульства, несмотря на подстрекательство жены.

Образ Луиса нельзя воспринимать в отрыве от мотивов искушения, вопрошания и поиска причин божественных действий, мировой справедливости, которые не только связывают его с фигурой Иова, но и помещают в важную для экзистенциальной поэтики «пограничную ситуацию», в которой он осознает необратимость и непобедимость смерти.

Любопытно, что сам текст «Кладбища...» дает основания для его интерпретации как переосмысления мифа об Иове: в тексте упоминается этот библейский персонаж. Видя концентрические круги, в которые складываются могилы на кладбище домашних животных, Луис вспоминает метафору неисповедимого божественного замысла, использованную в Книге Иова: «...и, вероятно, именно она была тем вихрем, о котором в иудейской Библии Господь говорил Иову» [Кинг, 2017, с. 366]. Структуру первобытного вихря повторяют и ритуальные каменные кучи на древнем индейском кладбище, способном возвращать умерших из могил: «Здесь, на вершине этой каменной плоскости, повернувшись к... черной бездне... лежала гигантская спираль» [Кинг, 2017, с. 426].

Индейское кладбище, расположенное прямо за кладбищем домашних животных, и становится для Луиса сильнейшим искушением. О таинственной силе захоронений Криду рассказывает сосед Джад, старожил Ладлоу, знающий множество легенд об этом месте. Согласно поверьям микмаков, земля этого кладбища обладала мистической способностью возвращать мертвых к жизни, но с приходом колонизаторов утратила волшебные свойства, став бесплодной: «...потом и сами микмаки перестали сюда ходить. Один из них сказал, что встретил здесь Вендиго, и земля испортилась» [Кинг, 2017, с. 99].

Дух-людоед, который «подстерегает людей и нападает на них», в мифопоэтическом смысле символизирует жестокое истребление индейского народа – так в романе возникает актуальная для американской литературы тема. Могильники микмаков обернулись против завоевателей, поэтому к жителям Ладлоу, похоро-

нившим животных и даже людей на этом кладбище, вернулись зомби, лишенные души, но сохранившие тело. В этом контексте загадочная одержимость Луиса индейским кладбищем объясняется не только экзистенциальным страхом смерти и нежеланием мириться с ней, но и расплатой за коллективный грех надругательства над культурой и землей индейцев. Так библейский сюжет наслаивается на современную проблематику.

Для экзистенциальной интерпретации Книги Иова важен мотив вопрошания, отчаянного обращения к Богу: «На что дан свет человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком?» (Иов 3:23). Хотя Божий глас и звучит в финале притчи, на вопросы Иова Он не дает ответа, Господь снисходит только до осуждения и обличения софистов. Человеческое незнание обусловлено необходимостью поддерживать ужас перед неземной силой Бога: «страх Господень есть истинная премудрость» (Иов 28:28).

Искусителем Луиса оказывается не только Джад – в романе воплощением богоборчества становится дочь героя Элли. Ее размышления отражают примитивное детское восприятие смерти, однако удивляют читателя глубиной религиозных оснований подобного бунта: «Я не хочу, чтобы Черч умирал! Он мой! Он не Бога! Пусть Бог заведет себе кота!»; «...буду просить Бога, чтобы он вернул Гэджа... Бог сможет его вернуть, если захочет... В воскресной школе учитель рассказывал нам про Лазаря. Он умер, а Иисус вернул его к жизни...» [Кинг, 2017, с. 181]. В этом аспекте именно Элли оказывается близка Иову вопрошанием, но ее духовные поиски неизменно отзываются и в отце. Луис не может пережить смерть сына и ищет причины столь жуткого поворота судьбы: «почему Бог взял именно его, не знаю, не могу понять...» [Кинг, 2017, с. 276]. Его воззвания о помощи и утешении не находят ответа, вопросы становятся риторическими: «Он не знал причины – один Бог знал ее»; «Имя Божие могло помочь в романах о духах и вампирах. Но что ему-то делать, скажет ли это Бог?» [Кинг, 2017, с. 299].

Новозаветный сюжет о Лазаре не раз актуализируется в романе: Кинг даже помещает отдельные части Евангелия от Иоанна в эпиграфы частей «Клатбища...». Словно навязчивая идея, образ Лазаря, воскрешенного Иисусом, и перформатив «Лазарь, иди вон» то и дело возникают в голове Луиса, мотивируя его на подобный ритуал – вновь и вновь отправляться на кладбище микмаков – сначала с трупом кота, завернутым в мусорный пакет, а затем и с телом собственного сына, тайно выкопанным из свежей

могилы: «это место... тебя не отпускает» [Кинг, 2017, с. 199]. В контексте иудео-христианских реминисценций вновь возникает мотив искушения – зомби-кот Черч обретает змеиные черты, становится похож на «чудовищного змея» [Кинг, 2017, с. 200], а дух Вендиго, который мерещится Луису на пути к кладбищу, имеет раздвоенный язык и чешуйчатую кожу [Кинг, 2017, с. 453].

Итак, Луис Крид, чье мировосприятие неразрывно связано с несколькими слоями мифологических претекстов – иудео-христианского (сюжет о Лазаре) и индейского (поверья микмаков о силе кладбища), – оказывается не в силах смириться со смертью, объяснить ее феномен подрастающей дочери, сообщив о гибели любимого кота на трассе, и сам открывает себя череде дьявольских искушений, хороня на древнем кладбище даже собственную жену.

Крид постепенно сходит с ума, буквально одурманенный мифами о спасении от смерти. Сама фигура Богочеловека, Иисуса, воскрешающего Лазаря, вера в евангельский сюжет и дорога к кладбищу микмаков, проходящая прямо за его домом, искушают Луиса: «...в том, чтобы оживить мертвое существо, есть какая-то претензия на то, чтобы стать Богом...» [Кинг, 2017, с. 198]. На это указывает и сам автор в посвящении романа: «...люди верят в то, что человек создан по образу и подобию Божию... что Бог также подобен человеку...» [Кинг, 2017, с. 8].

В отличие от Иова, чье благоговение перед Господом чисто и непоколебимо, Луис Крид испытание лишениями не проходит. Ему мешает вера в борьбу со смертью, подпитанная превратно понятыми иудео-христианскими сюжетами и давно потерявшими действенную силу индейскими ритуалами.

В то же время у главного героя «Кладбища...» уникальный путь страдания – через разрушение надежд об успешном воскресении родных. Если Иову в финале Господь возвращает всё потерянное вдвойне, воздаст ему за безропотность, то Крид теряет членов семьи одного за другим. Целью экзистенциальной притчи Кинга становится попытка выяснить те «пределы ужаса, который может испытывать человек», «до каких границ кошмарного может дойти человеческий рассудок, оставаясь при этом здоровым и дееспособным» [Кинг, 2017, с. 269]. И это вновь отсылает непосредственно к размышлениям Иова, который, стоически смиряясь с утратами, говорит о возможностях человеческого терпения, способности выносить боль: «Человек полагает предел тьме и тщательно разыскивает камень во мраке и тени смертной» (Иов 28:3).

Таким образом, Луис Крид, попадая в пограничную ситуацию, не может успешно выйти из нее, сбегает в иллюзию религии, цепляется за любую возможность избежать смерти, пытается отрицать смерть как таковую. Фигура главного героя оказывается универсальной, аллегоричной – Кинг пишет о вечной человеческой слабости, о невозможности смириться с потерей родных людей. Символичность образов и экзистенциальное испытание героя позволяют нам трактовать «Клатбище...» как жуткую экзистенциальную притчу о смерти. Мрачной моралью текста Кинга становится мысль и о неспособности человека ни примириться со смертью, ни ее победить. Человека поглощает замкнутый круг экзистенциального страдания, из которого, в отличие от награжденного Господом Иова, он уже никогда не выберется.

Список литературы

1. *Асанова Э.Р.* Жанровая специфика произведений Дэниела Силвы о Габриэле Аллоне : дис. ... к. филол. н. / ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». – Симферополь, 2020. – 246 с.
2. *Дзюбенко А.И., Киселева С.С.* О репрезентации концепта «Страх» в романе С. Кинга «Кладбище домашних животных» : лексический аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 1/2. – С. 22–25.
3. *Жаринов Е.В.* Историко-литературные корни массовой беллетристики. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2018. – 184 с.
4. *Кинг С.* Клатбище домашних животных / [пер. с англ. Т.Ю. Покидаевой]. – Москва : АСТ, 2017. – 480 с.
5. *Кьеркегор С.* Страх и трепет : диалектическая лирика Иоханнеса де Силенцио / пер. с дат. – Москва : Академический проект, 2011. – 153 с.
6. *Лескова Е.В.* Жанровая специфика притчи и мениппеи в романах Ф. Кафки «Процесс» и Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Вятского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 114–118.
7. *Литинская А.А.* Этюды о страшном : хоррор в современных исследованиях // НЛЮ. – 2021. – № 6. – С. 301–316. – URL: <https://magazines.gorky.media/wp-content/uploads/2022/01/nlo-172-sorochan172bib.pdf> (дата обращения 23.10.2023).
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – Москва : НПКС Интелвак, 2001. – 800 с.
9. *Лотман Ю.М.* Массовая литература как историко-культурная проблема // Ю.М. Лотман. Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992–1993. – Т. 3. – 1993. – С. 380–383.
10. *Новикова М.В., Яценко М.А.* Образы индейской мифологии в творчестве С. Кинга // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2018. – № 2 (29). – С. 67–71.

**Жанровая специфика романа Стивена Кинга
«Клатбище домашних животных»**

11. *Селиванова Д.И.* Мифология как основа произведений в жанре ужасов // Вопросы науки и образования. – 2020. – № 1 (85). – С. 80–84.
12. *Шалимова Н.С.* Поэтика романа инициации в современной литературе США // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 12. – С. 3800–3803.